

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1868

№ 9 СЕНТЯБРЬ

16930

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)

ДѢВИЧНИКЪ.

ОЧЕРКЪ ФАБРИЧНЫХЪ ПРАВОВЪ.

Настоящимъ городомъ глядитъ село Бубново. Еще гдѣ, версть за семь, въ лѣтнее время, увидишь его высокія колокольни, съ уходящими въ самое небо крестами, и золотыя главы церквей, которыя сіяютъ и блещутъ тысячами огней. «Ну, какое же это село?» спрашиваешь себя невольно, съ изумленіемъ глядя на сверкающую впереди даль.—«А это самое и есть Бубново, — отвѣчаетъ ямщикъ, услыхавшій вопросъ сѣдока. — Важное село, — продолжаетъ ямщикъ;—какъ есть городъ! Однѣ главы на церквахъ чего стоятъ — онѣ вѣдь ровно жаръ горятъ! Вотъ что значить купечество-то : это все они усердствуютъ! Благодарители!» Ъдешь дальше. Вотъ, одна за другой, стали показываться высокія трубы, забѣлѣлись череви и колокольни, выглянули фабрики, заводы и, наконецъ, передъ глазами открылось все село.

На четырехъ-пяти верстахъ залегло село Бубново, состоящее изъ почернѣвшихъ деревянныхъ строеній, съ тесовыми и соломенными крышами; изъ-за нихъ кой-гдѣ выставляются каменные зданія; отдѣльно, въ видѣ маленькихъ городковъ, стоятъ красивыя фабрики, такія высокія и привѣтливныя, а надъ всѣмъ этимъ гордо высятся храмы божіи, всѣ въ золотѣ, серебрѣ и сіяніи... Глазъ перебѣгаетъ съ одного предмета на другой; чувства, одно другому противоположныя, безпрестанно смѣняются, и не заметишь, какъ тройка, подъ сильнымъ вліяніемъ ямщика, мечтающаго о полученіи «на чаекъ», вихремъ внесетъ въ село и ты очутишься среди широкой улицы, по которой движутся чело-вѣческія фигуры и со всѣхъ сторонъ бѣгутъ собаки, съ громкимъ лаемъ набиваясь на лошадей. Тутъ ужъ вполне убѣдишься, что пріѣхалъ въ село Бубново, знаменитое своими мануфактурными издѣліями и обширной торговлей. Видишь большой каменный домъ, принадлежащій фабриканту; рядомъ съ нимъ прилѣпилась крестьянская избѣнка, вся черная, точно въ сажѣ, и по-

качнувшись на богъ; тамъ какая-нибудь фабрика; тутъ высывается кабакъ, надъ гостепріимными дверями котораго смиренная надпись гласить: «съ пичали и съ огорченъевъ», а тамъ цѣлый рядъ ветхихъ крестьянскихъ избъ; потомъ опять каменные палаты и т. д.

Таково знаменитое село Бубново.

Всѣмъ блескомъ, всею славою, Бубново обязано мѣстнымъ купцамъ и фабрикантамъ. Благодаря капиталамъ, бубновское населеніе, простирающееся до семнадцати тысячъ мужскаго и женскаго пола, не включая сюда дѣтей, получаетъ ежедневно пропитаніе и возможность жить... Купцы сознаютъ это и говорятъ: «Мы благодарѣтельствуемъ. Чтò бы сталъ дѣлать рабочій народъ, если бы не мы? Умеръ бы съ голода! Опять нищихъ сколько: ихъ тоже надо одѣлить!.. Ну, да наша добродѣтель не пропадетъ даромъ: Господь насъ не оставитъ ни въ настоящей, ни въ будущей жизни». И Богъ не оставляетъ купцовъ. Богатство ихъ съ каждымъ годомъ растетъ; сами они не по днямъ, а по часамъ раздаются во всѣ стороны и приобрѣтаютъ великую красоту лица, а о супругахъ ихъ и говоритъ ужъ нечего: онѣ положительно могутъ быть уподоблены тучнымъ коровамъ Фараона...

Нельзя, однако, ничего подобнаго сказать о народѣ, рабочихъ людяхъ. Это все бѣдняки, перебивающіеся изо дня въ день, худые и тощіе, какъ замороженные лошади; видъ ихъ такъ убогъ и жалокъ, какъ и тѣхъ домишекъ, въ которыхъ они живутъ и переносятъ зимою стужу и холодъ. Но при всей гнетущей бѣдности, рабочее населеніе Бубнова увеличивается: каждый годъ то и знай плодятся ребятишки.

Неудивительно послѣ этого, что въ селѣ много молодаго народу. А гдѣ есть молодой народъ, тамъ хотя изрѣдка, сквозь суровую пелену дѣйствительности, пробьется наружу и свѣтлый лучъ радости. Нужда могущественна, но и юность также могущественна. Чтò устоитъ противъ юности? Бодрая, здоровая, смѣло идетъ она на встрѣчу нуждѣ, завязываетъ съ нею борьбу, выносить всѣ удары и бьется до тѣхъ поръ, пока не добьется у жизни того, чего хочетъ, или, истративъ всѣ силы въ неравной борьбѣ, падетъ уничтоженною въ прахъ... Юность вездѣ одинакова, вездѣ похожа на себя; она та же и въ Бубновѣ.

Вотъ почему бубновская молодѣжь, несмотря на бѣдность и всякія неудобства жизненныя, глядитъ прямо въ лицо непривѣтливой судьбѣ своей и смѣется, хохочетъ, когда другіе плачутъ и срежешутъ зубами.

Какъ только пройдетъ недѣля трудовой жизни и наступаетъ празднество, молодой народъ спѣшитъ ужъ отдаться своимъ люби-

мымъ удовольствіямъ и забавамъ. Больше всего молодѣжь любитъ дѣвичники. Дѣвичникъ поднимаетъ на ноги все село. Съ вечера и вплоть до заутрени, по селу ходятъ гуляки; раздается говоръ, смѣхъ и пѣсня не смолкаетъ во всю ночь, пока не окончится дѣвичникъ, и не разойдутся всѣ по домамъ или прямо на фабрики.

Воскресенье. Замній день пролетѣлъ незамѣтно; наступили сумерки. Купчихи, закрывши свои лица дорогими муфтами, начали разѣзжаться съ катанья по домамъ; купеческіе сынки ѣдутъ кто на стуюлку, кто выпить и провести въ свое удовольствіе время, а кто — и самъ не знаетъ куда — лишь бы только не домой, да подальше отъ надзора родительскаго. Со всѣхъ улицъ, которыя за нѣсколько минутъ до сего были оживлены праздничнымъ людомъ, сидѣвшимъ и стоявшимъ за воротами домовъ, всѣ поушли и забились въ тепло; во всемъ селѣ настаетъ какое-то затишье. Развѣ гдѣ еще только малые ребятенки, позабывши за своими веселыми играми родную печь, вдругъ подадутъ голосъ.

Но вотъ мало по малу зажигаются огни, начиная съ высокихъ, каменныхъ домовъ богачей, и кончая низенькой избенкой мужика. За воротами, на дворѣ, поднимаются говоръ и смѣхъ. Опять вырывается на улицу жизнь. Вотъ ужъ кто-то и пѣсню заводитъ:

На горѣ-то, мой миленькій, калина!
А что жь кому дѣло, калина!
Ну, какое кому дѣло, калина!

- Обмѣновъ! раздается изъ-за пѣсни сердитый дѣвичій голосъ.
 - Душечка! отвѣчаетъ ласковый, но ужъ не дѣвичій голосъ.
 - Ладно, душечка. Проваливай дальше!...
- Новая пѣсня покрываетъ оба голоса.

Сидѣлъ Ваня на диванѣ,
Стаканъ рому наливалъ;
Не наливши полставана,
Самъ за Катенькой послалъ...

- Пѣсня еще стоитъ надъ улицей, а тамъ слышны новые голоса.
- Да гдѣ дѣвичникъ-ать?
 - У Анны Максимовой. Говорятъ, больно ужъ много она къ себѣ много дѣвокъ созывала...
 - Имениница, што ли, она, али такъ дѣлаетъ вечеръ?
 - Надо полагать, такъ. Нонче вѣдь выгодно дѣлать эти дѣвичники: холостые помногу дарятъ.
 - Ишь она бакая! Поглядимъ, што у ней за дѣвишникъ?

Парни, дѣвки молодыя и пожилыя бабы гурьбами несутся на дѣвичникъ.

Передъ одной избой, окна которой освѣщены ярче сосѣднихъ, толпится народъ; свѣтъ изъ оконъ такъ и бьетъ, такъ и разливается чрезъ всю улицу. Подъ ногами у взрослыхъ, шмыгають ребятишки, гоняясь другъ за другомъ и мимоходомъ задѣвая большихъ. На подоконникахъ висятъ парни и дѣвки. Слышны голоса и смѣхъ. Изъ калитки выходитъ закутанная женщина.

— Што, собрались, што ли, дѣвки-то? спрашиваетъ у ней другая и тоже закутанная.

— Нѣтъ еще. Не ходи. Погода лучше сходимъ, а теперетка и глядѣть-то не на што, отвѣчаетъ первая.

— Вреть она, тѣтушка! кричитъ подбѣгающей къ нимъ мальчуганъ и хватаетъ одну за конецъ платья. — Поди!...

— Ахъ ты, отѣрва! обижается та. — Великъ ли, отъ брюха съ персть, а туда же за подоль хватаетъ!

Вслѣдъ за этимъ, отѣрва чувствуетъ здоровый подзатыльникъ.

— Ишь ты, какая! протягиваетъ онъ плаксиво и бѣжитъ прочь, чтобы задать «киселя» одной дѣвкѣ, засмотрѣвшейся въ окно избы.

— Отябель! вскрикиваетъ дѣвка.

Отябель, довольный успѣхомъ, ускользаетъ въ толпу; но при этомъ получаетъ множество пинковъ и легкихъ затрещинъ.

— Глянъ-ка, Арина, и Домна косая тутъ сидитъ! говоритъ одна зрительница у подоконника.

— Гдѣ, гдѣ? спрашиваетъ Ариша, торопливо протирая рукавомъ пальто запотѣвшее стекло. — Ахъ, и то, дѣвонька, сидитъ! Ну-тка, ну-тка, узорочье глиняное! усѣлась, да и сидитъ! Вѣдь и не стыдно съ этакой-то рожей на дѣвичникъ ходить?

— Што жъ вы, Арина Савельевна, надсмѣхаетесь надъ Домной Сидоровной, находить не лишнимъ присоединиться къ разговору молодой фабричной, долго поглядывавшей на подругъ. — Домна Сидоровна, какъ есть барышня настоящая сидитъ. Только, значить, у ней одинъ глазокъ въ Москву глядитъ, [а другой въ Арзамасъ; да эфто красы еще ей больше придаетъ.

— Ахъ ты скесовъ сынъ*! вскрикиваетъ одобрительно дѣвица и громко смѣется.

У воротъ избы, куда почти не достигаетъ оконный свѣтъ, жмутся закутанныя фигуры. Между ними идетъ сдержанный разговоръ.

— Увидимъ, кто станетъ приходить.

* Скесь — дьяволь, но низшаго чина.

— Она безпремѣнно придетъ: ее звали. Ну, ежели я увижу, што она съ парнями будетъ лобызаться—острамлю, сейчасъ умереть, острамлю...

— Табъ ее, сволочь, и надобно хорошенько!

А съ дороги, вмѣстѣ съ приближающеюся толпою новыхъ гулякъ, неслась и пѣсня:

Наливай вина осьмуху;
Набирайся его духу...
Мы ударимъ Сашу въ ухо,
Цѣловальника прибьемъ,
Домой пьяные поидемъ...

— Эхъ, гуляй наши во всю ночь!

Къ воротамъ подошла дѣвушка, покрытая платочкомъ и въ легкой тальмѣ на плечахъ. Ее сопровождала женщина въ тулупѣ.

— погоди! сказалъ тулупъ, дернувъ дѣвушку за платье. — Ототкни-ка платье, я одерну!

Дѣвушка остановилась и опустила подобранные концы платья.

— Теперича хорошо, сказалъ черезъ минуту тулупъ:— юбоекъ не видать и сидитъ ровно. Подымай щеколду-то!

Дѣвушка взялась—было за кольцо въ калиткѣ, но тулупъ снова ее дернулъ.

— Слушай, Агафья! Ты у меня сиди тихо! по верхамъ глазъ не паяй, и съ парнями цаловаться не моги!... Слышишь ли, што я тебѣ говорю?

— Ладно, мамонька, тихо отвѣчала дѣвушка.

— Гм! гм! начали откашливаться у воротъ.

Мать и дочь вступили за калитку, но раздавшійся у воротъ кашель заставилъ первую вернуться. Она выглянула и эвергично потрясла вулакомъ, послѣ чего калитка быстро захлопнулась и скрыла отъ любопытныхъ взоровъ обѣихъ женщинъ.

Не безъ хлопотъ и не безъ горя было съ дѣвичникомъ Аннѣ Максимовнѣ. Еще дня за два, какъ только задумала, начала она готовиться къ этому празднику. Вынесла изъ передняго угла самолетъ* съ недотканной штукой митваля, чисто-начисто вымыла въ избѣ полъ, тертымъ бирпичемъ вычистила мѣдныя ризы на образахъ, повѣсила на окнахъ бѣлыя занавѣсочки съ бахромкою и разъ пять сбѣгала въ лавку купца Самохвалова, гдѣ закупила на два рубля съ полтиной чаю, сахару, конфетъ и разныхъ принадлежностей для десерта. Досталось и Гавриликъ, ея матери,

* Ручной ткацкій станокъ.

съ утра и до вечера бѣгавшей по селу созывать молодцовъ и дѣвицъ.

— Ну, матушка, измучилась ужъ я! насилу перевела духъ Гаврилиха, входя въ избу и тяжело опускаясь на лавку.

— А я сейчасъ, мамынька, самоварчикъ поставлю, торопливо проговорила дочь, выходя за перегородку, гдѣ стоялъ на полу только что вычищенный и ярко свѣтившійся самоваръ.

— Поставь, Аннушка, поставь! И усталось-то мочи нѣтъ, и озяблось-то больно... Ахъ, годы-годы!... Кланяются тебѣ всѣ, обѣщали быть!

— Обѣщали?

— Обѣщали...

— Всѣ?

— Всѣ... Только прикащика дочь да писарева сперва полюбопытствовали: кто будетъ изъ холостыхъ? говорю: много созывали, всѣ придутъ. «А кто же, на примѣръ?» спрашиваетъ прикащикова дочь. Говорю: такой-то, молъ, и такой-то... Ухъ, да погоди... никакъ еще не отдохну!... Послѣ все расскажу.

Скоро на столѣ зашумѣлъ самоваръ, полилась вода въ желтый чайникъ и застучали двѣ разновалиберныя чашки, изъ коихъ одна была въ трехъ мѣстахъ склеена.

— Хорошо теперича, Анюша, чайку испить, заговорила Гаврилиха, усаживаясь около самовара и подвигая къ себѣ налитую чашку.—Господи благослови! Экой чай превкусный! Гдѣ ты это повупала?

— Вѣстимо, у Самохвалова. Говорилъ: чай первый сортъ, только што изъ Москвы десять ящичковъ получилъ. Повѣрила его слову, на два двугривенныхъ купила.

— Много больно; ты бы поменьше... Поди, и такъ вѣдь денегъ ни вѣсть, что изошло на всякую всячину!

— Што дѣлать, мамынька, надо: безъ чего нельзя, такъ нельзя... Однако, у меня изъ трехъ цѣлковыхъ, што Мухинъ подъ закладъ мово салопа далъ, полтинникъ еще остался... А какая у этого Мухина душа ненасытная: за три дня цѣлковый одного проценту взялъ.

— Захотѣла ты у ростовщика души искать: давно, поди, нечистый взялъ ее, голубушку, а вмѣсто ея, душеньки-то, самъ тамъ засѣлъ да и сидитъ теперича! Оттого эти ростовщики и грабятъ такъ православныхъ!...

— Должно такъ, правда. Да завтра, Богъ милостивъ! все воротимъ, еще и за хлопоты перепадетъ, што ни то!... Холостые придутъ хорошіе... Такъ што же ты давѣ, мамынька, про дочь прикащика засказала? о комъ она спрашивала?

— А вотъ и стану рассказывать. Обѣ онѣ любопытничали: кто изъ кавалеровъ будетъ на дѣвичникѣ — онѣ, вѣдь дѣвицы новѣшняго свѣта, образованныя, говорятъ помодному: кавалеры, а не просто: холостые. Говорю имъ: тотъ-то и тотъ-то. — Ну, а кто же, напримѣръ? дочь-то прикащика у меня спрашиваетъ. Говорю: слесарь рылинскій Мокей Иванычъ, рѣзчикъ Зубцова Андрей Тихонычъ... «Это, перебиваетъ меня, кавалеры для насъ не антиресные, а опричь ихъ кто будетъ? Прикащикъ братьевъ Рылиныхъ будетъ?» Какъ же, говорю, и его звали, и другой-то, по письменной части, товарищъ его, и того звали, и поповича звали. Всѣ общали. «Въ такомъ случаѣ, говорить, я могу быть у васъ на вечерѣ. Кланяйтесь Аннѣ Максимовнѣ».

— Такъ, она безъ Алексѣя Николаича дышать не можетъ! замѣтила дочь.

— Это и видно, согласилась мать. — А писарева дочь поповича желаетъ...

— Такъ, такъ: это ея предметъ!

— Ужь и дѣвка она: сперва повыспрошала о другихъ парняхъ, а подъ конецъ, какъ словно невзначай, и про него спросила: не приглашали ли вы, говорить, и поповича? — только она назвала его не такъ, не поповичемъ, а по другому какъ-то...

— Студентомъ?

— Похожо нешто, не помню хорошо. — Поповича? спрашиваю. Какъ же, говорю, звали и его, и рылинскаго прикащика, и того, што по письменной... И договорить не дала. «Надѣюсь, говорить, што мамаша освободить меня. Кланяйтесь Аннѣ Максимовнѣ, безпремѣнно постараюсь быть на вашемъ вечерѣ». Эвъ, подумаешь, какія обѣ онѣ полированные!

— Еще бы! сказала дочь. — Кому же и полированными-то быть, какъ не имъ, да купеческимъ дочерямъ? Въ одномъ пятѣ да сладкой ѣдѣ весь Божій день проходитъ, а работы, опричь што въ пальцахъ пошьютъ, никакой не знаютъ. Сиди да книжки читай!

— Што и говорить: райская ихъ жизнь! позавидовала Гаврилица. — Не зажечь ли, Анюша, свѣчку, темно ужъ стало?

— Зажги, мамынѣа! А прикащики ничего не спрашивали?

— Какъ же! а тѣ про дѣвокъ разспрашивали. Говорю: все красавицъ позвала. — Ну, говорятъ, это ты хорошо сдѣлала, што красавицъ позвала, а то мы дурныхъ-то не оченно жалуемъ. Особливо этотъ рылинской-то, Алексѣй Николаичъ, больно врать здоровъ, въ такіе разговоры пустился, што инды меня стыдъ взялъ. «Ахъ ты, говорить, старушка божій даръ! Надо бы — говорить — намъ тебѣ женишка хорошаго сысзять, а то

Власыичъ — то твой, по бабакамъ сидючи, никуда негодень сталъ...» да и пошелъ вратъ, и пошелъ! Говорю: прощайте. А онъ: «погоди, Гаврилиха, погоди, еще не то будетъ!» Другой его товарищъ, што по письменной части, сидить да только усики поворачиваетъ — видно тоже и ему совѣстно; а тотъ знай вретъ... «Вѣдь ты — говоритъ — Гаврилиха, поди хлѣбъ ѣшь, такъ...» Ну, говорю, тебѣ, завралъ просто, со стыда чуть не сгорѣла.

Дочь засмѣялась.

— Веселаго характера человекъ, похвалила она прикащика. — Любить пошутить! За то и сохнуть по немъ какъ всѣ!

Дверь скрипнула и быстро отворилась, причемъ въ избу волной хлынула струя холоднаго воздуха, и на порогѣ показалась высокая мужская фигура въ коротенькомъ тулупчикѣ и валенкахъ. Это былъ самъ хозяинъ дома, набойщикъ Максимъ Власыичъ.

— Затворь, затворь скорѣе! кригнула ему жена: — ишь, какую стужу на всю избу напустилъ!

— На дворѣ холодно, сказалъ мужъ, плотно притворяя за собою дверь. Онъ сбросилъ тулупишко, стащилъ съ ногъ валенки и вмѣстѣ съ портянками забросилъ все на печь, гдѣ сохли пустые горшки.

— А ты бы на палати тулупъ-ать, а то на печи ему жарко будетъ, предостерегала Гаврилиха: — пожалуй, какъ разъ и сволочеть.

— Не бойсь, не такіе у насъ тулупы, штобы отъ печи имъ вредъ какой приключался, успокоилъ жену Максимъ Власыичъ, босикомъ переступая къ столу: — хошь всю жисть онъ тамъ пролежи, ни за што не сволочеть.

Максимъ Власыичъ сѣлъ на лавку и принялся разглядывать убранство избы. Мать и дочь продолжали распивать чай.

— Какъ прибрались къ дѣвичнику, ровно къ свѣтлому дню, заговорилъ погода Максимъ Власыичъ. — Чай, ради такого праздника, поднесутъ и мнѣ водочки?

— Извѣстно, холостые тебя завтра угостятъ, отвѣчала дочь.

— Не хочешь ли ты, тятенька, съ нами чашку чаю выпить?

— Признаться сказать, до чаю я небольшой охотникъ — пользы отъ него себѣ не вижу; а вотъ еслибы ты, дочка, отцу малость какую водочки тепереча купила — спасибо бы тебѣ большое сказалъ! Купишь, Аннушка?

— Нельзя ли до завтра, тятенька, водку-то эту оставить?

— Ни, ни! сегодня не впримѣрь лучше! воскликнулъ родитель; но, тотчасъ же опомнившись, продолжалъ слабымъ и бо-

лѣзненнымъ голосомъ: — я, сказать по правдѣ, маленечко не поостерегся давеча; какъ теплый вышелъ съ завода, такъ почти до самой нашей улицы и шелъ не запахнувшись; ну и продрогъ, теперича въ ознобъ кидаетъ...

— Такъ напейся поскорѣе теплаго, и пройдетъ, совѣтовала жена. — Я тоже не мало сегодня зябла, ходючи весь день, да какъ напилась чаю, все разомъ и прошло.

Мужъ не то съ укоромъ, не то съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на жену и сказалъ:

— Преровняла ты себя! Нешто мужикъ одно съ бабой? Эхъ ты!... Извѣстно, баба... да што съ тобой говорить: слова только понапрасну терять!... Аннушка! обратился онъ съ нѣжностью къ дочери: — ты, може, думаешь, што Федюшка еще не бывалъ, а я въ знобу-то эвтемъ, такъ сходить будетъ не кому? Ты не сумнѣвайся, я накинута тулупишею и живою рукой самъ оберну... Дай, милая!... Я и просить не сталъ бы, да чувствую, знобъ-ать все больше въ меня вступаетъ, такъ по всему тѣлу и расходится.

Анна Максимовна хорошо знала о болѣзни отца. Всякій разъ, какъ Максимъ Власычъ чувствовалъ неотразимую потребность выпить, а это случалось съ нимъ довольно часто, онъ выдумывалъ какую-нибудь болѣзнь и просилъ у дочери гривенничекъ или пятачекъ, говоря, что водка ему помогаетъ лучше всякаго лекарства. Сперва дочь вѣрила родительскимъ недугамъ и отдавала послѣдніе заработанные ею гроши; потомъ скоро увидѣла, что никакой особенной болѣзни у отца нѣтъ, что болѣзнь у него одна — безпрестанное хожденіе въ кабакъ, и пробовала не давать денегъ. Тогда родитель, послѣ долгихъ просьбъ и моленій, отъ кротости и смиренія переходилъ къ лютости дѣлаго звѣря и производилъ великій шумъ, кончавшійся всегда избіеніемъ младшихъ членовъ семейства и похищеніемъ какой-нибудь вещи изъ домашняго хозяйства. Дочь и теперь понимала, какая болѣзнь у отца, и знала къ чему бы повелъ отказъ съ ея стороны; къ этому присоединилась мысль о завтрашнемъ дѣвичникѣ, которому родитель, въ случаѣ нерасположенія, могъ сильно напакостить. Вынула она изъ бармана платокъ и развязала узелокъ, въ которомъ хранилась оставшаяся отъ повушекъ мелочь.

— Только, пожалуйста, не напейся, тятенька, сказала Анна Максимовна, подавая отцу гривенникъ. — Ты одно помни: вѣдь завтра у меня дѣвичникъ!

— Не безпокойся, въ лучшемъ видѣ будемъ! обнадеживалъ Максимъ Власычъ. — Эвто ты што дала: гривенничекъ? Ну,

што бы тебѣ, милая, двугривенничекъ хворому дать? заслужи завтра!

— А ты имѣй хоть сколько-нибудь въ сердцѣ жалости, Власьичъ! сказала жена: — вѣдь она тебѣ дочь! Какіе у ней достатки, штобы тебѣ давать на пропой двугривенные? Безчувственный!

— Ну, Богъ съ вами! сказалъ Максимъ Власьичъ и направился къ печи. Онъ не настаивалъ много на прибавкѣ, потому что еще раньше, когда раздѣвался, запримѣтилъ на голбцѣ дочернины башмаки, которыми и положилъ непременно воспользоваться, какъ только представится удобный случай уйти со двора. Надѣвъ валенки, онъ стащилъ тулупишко и по дорогѣ ловко захватилъ башмаки; затѣмъ напялилъ на голову шапку и проворно вышелъ.

— Господи, когда онъ пить перестанетъ! со вздохомъ проговорила дочь.

Мать сомнительно побачала головой.

— Перестанетъ! Гдѣ ужъ ему перестать, коли, вотъ двадцать пять годовъ, какъ я за нимъ живу, недѣли одной не проходило, чтобы онъ не напивался? Видно, съ тѣмъ и въ гробъ сойдетъ.

Черезъ часъ пришелъ Федюшка, мальчикъ лѣтъ одиннадцати, и сказалъ, что былъ въ кабацѣ, куда бѣгалъ за водкой для своего набойщика, и видѣлъ тамъ отца, который велѣлъ сказать, чтобы его къ ужину не ждали.

На другой день, въ воскресенье, мать и дочь хлопотали на счетъ сладкаго пирога. Пирогъ былъ круглый и величины непомѣрной, такъ что одной начинки требовалось по крайней-мѣрѣ фунтовъ пять.

— А вѣдь не станетъ изюму-то, говорила Анна Максимовна, размазывая деревянной ложкой по всему пирогу сладкую начинку: — надо бы поболѣ купить.

— Ну, добро, и не больно густо съѣдятъ! сказала мать.

Между тѣмъ, какъ за перегородкой возились съ пирогомъ, Максимъ Власьичъ сидѣлъ у окна и не зналъ, на какія ему хитрости подняться, чтобы выманить у Аннушки на похмѣлье. Долго онъ думалъ, по временамъ даже вздыхалъ и охалъ; но голова его, послѣ вчерашней питвы, до того была тяжела и неизобрѣтательна, что въ продолженіе цѣлаго часа онъ ничего не могъ выдумать.

— Штожь вы тамъ ворочаетесь, заговорилъ онъ сердито, обращая рѣчь къ перегородкѣ: — пора бы, чай, вспомнить и про отца? Поди мнѣ давно выпить хочется!

Но за перегородкой притворились, что не слышать, и говорили о другомъ.

— Ты, мамынька, сажай пирогъ безъ меня, а сама я схожу въ Александрѣ Васильевнѣ попросить на ужо столика да под-свѣчничка...

— Поди, поди. Я и одна управлюсь.

— Вамъ я говорю, али нѣтъ? возгласилъ снова родитель.

Дочь покрывалась платкомъ и отыскивала башмаки.

— Мамынька, не видалъ ли ты гдѣ моихъ башмаковъ?

— Не видала, Анюша.

— Што за чудеса: вчера поставила на голбецъ, а сегодня ихъ и нѣтъ, говорила Анна Максимовна, съ безпокойствомъ осматривая всѣ мѣста, куда могла бы засунуть башмаки. — Ѳедюшка, а Ѳедюшка! начала она расталкивать спящаго на палатахъ братишку: — нѣтъ ли гдѣ около тебя башмаковъ?

Ѳедюшка всхлопнулъ только глазами и отворотился къ стѣнѣ.

— Дьяволъ, што ты дрыхнешь!

— Не тронь... смерть спать хочется, севозь сонъ проговорилъ мальчуганъ и не шелохнулся.

Гаврилиха вышла изъ-за перегородки и поглядѣла на мужа.

— По рождѣ вижу, это твое дѣло! не сдерживая злобы закричала она на мужа. — Сказывай, варваръ, куда дѣлъ башмаки?

— Пропилъ, коротко отвѣтилъ мужъ, скидывая на жену уничтожающій взглядъ.

Дочь всплеснула руками и вскрикнула.

— Господи! што же это будетъ?

— Пропилъ и пропью все, продолжалъ Максимъ Власичъ и поднялся съ мѣста. — Кто мнѣ указъ?... Анютка, живо штобы двугривенный былъ! Не то... знаешь?

— Варваръ! да што же это ты съ нами дѣлаешь! возопила жена.

— Такъ еще разговаривать!..

— Не бей ее, не бей! закричала дочь, кидааясь между отцомъ и матерью. — На, возьми, возьми мой двугривенный! Богъ милостивъ, обощешься когда-нибудь: встануть тебѣ поперегъ горла мои трудовыя денежки!

— Облопаешься, скоро облопаешься! сулила жена, поправляя на головѣ платокъ, сбитый рукою мужа. — Кровопійца!

— Вотъ теперача я и выпью, безъ всякаго сердца и съ добродушной улыбкой сказалъ Максимъ Власичъ и пошелъ въ кабакъ.

Свѣтло на улицѣ передъ избою Максима Власыча, но еще свѣтлѣе въ самой избѣ. На серединѣ стола, покрытаго красной скатертью и уставленнаго десертомъ, возвышается, на подобіе пожарной каланчи, массивный высеребранный подсвѣчникъ съ пятью большими свѣчами. Подсвѣчникъ глядитъ такъ гордо и съ такимъ достоинствомъ, что только не говоритъ: я вѣдь тутъ— ради дѣвичника, и на самое короткое время, а то опять уйду въ гостиную именитой купчихи Александры Васильевны: нешто мнѣ прилично у такихъ голышей служить? И всѣ какъ гости, такъ и зрители отлично понимаютъ, что не на своемъ здѣсь мѣстѣ такой богатый подсвѣчникъ. Особенно всѣ достоинства и превосходства купеческаго свѣтильника тонко чувствовали скромныя хозяйскія тарелки, которыя, отъ сосѣдства съ нимъ, до того казались смущенными, что стыдливо прятались отъ любопытныхъ взоровъ, и требовалось много времени и вниманія, чтобы глазъ замѣтилъ на столѣ ихъ присутствіе. Но за то свѣтильникъ хорошо показывалъ дѣвицъ и ихъ недорогіе, но пестрѣвшіе разными цвѣтами наряды; а бронзовые браслеты на бѣлыхъ рукахъ, перстни и брошки съ стеклышками такъ блестяли и отливали, что можно было принять за настоящее золото и неподдѣльные брилліанты, еслибы только зрители не были заранѣе глубоко убѣждены въ томъ, что на дѣвичникѣ у Анны Максимовны не мѣсто, хотя бы и на весьма короткое время, такимъ драгоценностямъ.

У отворенной настежъ двери, надъ полатами и около печи тѣснятся съ закрытыми лицами зрители. Они такъ напираютъ впередъ, что скамейка, поставленная поперегъ избы и отдѣляющая гостей отъ зрителей, то и дѣло подвигается къ столу и грозитъ повалить его. Максимъ Власычъ, совершенно уже трезвый, стоитъ у грядки и убѣдительно проситъ гулякъ не напирать, иначе-де все поломается и убытковъ ему придется понести ужасно много. Сама Анна Максимовна, одѣтая въ широкій бринолинъ и шерстяное съ полосками платье, съ веселымъ лицомъ подходитъ то къ той, то къ другой дѣвицѣ и что-то говоритъ въ полголоса. Гаврилиха сидитъ за перегородкою, гдѣ на ея рукахъ хранится верхнее платье дѣвицъ.

— Пропустите, пропустите! слышится въ сторонѣ зрителей.

Сквозь толпу пробирается новая гостя и ея матушка въ тудупѣ. Анна Максимовна встала на встрѣчу подругѣ. Дѣвицы поднялись на мѣстѣ. Новая гостя скинула тальму и передала матери; потомъ начала молиться на иконы и здороваться съ хозяйкою.

— Здравствуйте, Анна Максимовна, сказала она тихимъ голоскомъ, цалуясь съ хозяйкою.—Поборно васъ благодаримъ на почтеніи.

— А васъ покорно благодарю, што пожаловали, говорила Анна Максимовна, кланяясь гостѣмъ.—Марѳа Ивановна, обратилась она къ тулупу:—покорно васъ благодарю, што освободили свою дочку, не погнушались нами.

— Што ты говоришь, дѣвка, какъ можно гнущаться честью— не хорошо! Тебѣ спасибо! Агафьюшка! пальтичку-то мнѣ съ собой взять, али оставить, ужо тебя проводить кто?

— Не безпокойтесь, Марѳа Ивановна, вмѣшалась хозяйка:— мы сами проводимъ Агафью Васильевну. Пожалуйте мнѣ тальмочку-то!.. Мамонька!

Гавриликъ вышла изъ-за перегородки.

— А! Нутка какъ закуталась, и не узнаешь тебя, сказала она, заглянувъ въ лицо Агашиной матери и принимая отъ дочери тальму.—Все ли ты здорова?

— Тихонько, а то спознають всѣ! перебилъ тулупъ и изъ-за воротника сверкнулъ смѣющійся глазъ.

— Ну, мы съ тобой не дѣвицы красныя: пускай узнають!..

Пока мать говорила съ Гавриликъ, Агаша успѣла перецаловаться со всѣми дѣвицами и сѣла въ уголокъ, между простѣнкомъ и перегородкою. Она была очень молода, и ея простенькій нарядъ, состоящій изъ бѣлаго кисейнаго платья безъ всякихъ почти украшеній, придавалъ лицу, дышавшему свѣжестью ранней юности, необыкновенную прелесть. Подруги изподтишка посматривали на Агашу, а Домна Сидоровна, дѣвица совсѣмъ некрасивая и въ добавокъ кривая, выстрѣлила въ нее однимъ своимъ глазомъ и, поворотивъ лицо къ сидящей съ нею рядомъ сосѣдѣ, шепнула:

— Нисколько она не хороша, только што одно разѣ—молода!

— Ну, и не дурна, отвѣтила также въ полголоса сосѣдка, пристально взглянувъ на Домну Сидоровну.

Домна Сидоровна надулась.

Появилась еще гостья, за ней другая и наконецъ явились обѣ полированные дѣвицы: дочь прикащика и дочь писаря. Анна Максимовна принимала всѣхъ радушно, всѣхъ благодарила, а полированныхъ дѣвицъ приняла съ особеннымъ почетомъ и сама усадила на переднюю лавку.

— Вы напрасно безпокойтесь, говорила дочь прикащика, Настасья Андреевна:—для меня все равно, гдѣ бы я ни сѣла.

— Точно также и для меня! вторала дочь писаря, Софья Петровна.

— Нѣтъ, какъ можно, гдѣ-нибудь! въ свою очередь говорила любезная хозяйка, усаживая подругъ рядомъ и на самыя почетныя мѣста.

И тотчасъ Анна Максимовна взяла со стола двѣ тарелки съ конфетами и грецкими орѣхами, и стала обносить всю компанію, начавъ съ двухъ образованныхъ дѣвиць.

— Да возьмите хоть конфетку! подчивала хозяйка пригашивающую дочь.

— Благодарю васъ, я не кушаю конфетъ. Позвольте только билетикъ!

Дочь писаря тоже взяла одинъ конфетный билетикъ и нагнулась прочесть.

— Что у тебя, Соня? спросила у ней подруга.

— Ахъ, какія глупости! воскликнула та.—Вообрази, что мнѣ вышло! — и она, обернувшись въ сторону подруги, прочитала вслухъ:

Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, а тонкій волосокъ!

— Скажите! Ну, мнѣ лучше вышло. Посмотри сюда!

Софья Петровна нагнулась къ билету подруги и вмѣстѣ съ нею прочитала.

— Ахъ, это очень великолѣпно тебѣ вышло! восхитилась она, съ восторженной улыбкой глядя въ лицо подруги.

— Полагаю, что не дурно.

Подъ полатами слышенъ сдержанный говоръ:

— Чьи это такія?

— Да одна пригашивающая дочь, а другая писаря.

— То-то онѣ и смѣлы ужь больно!

Прочія дѣвицы сидѣли молча или говорили на ушко, а потому разговоръ вслухъ, происходившій между двумя образованными дѣвицами, обратилъ на нихъ вниманіе зрителей.

— Поотдайтесь, поотдайтесь! говорилъ Власычъ, видя что зрители опять стали напирать.—Видите, чай, што на столѣ-то стоитъ? Это, вы думаете, ничего не стоитъ уронить?

— Какъ ты думаешь, которая дѣвка здѣсь всѣхъ лучше? спрашивалъ около двери густой бась.

— По мнѣ, всѣхъ красивѣе Домна Сидоровна, отвѣтилъ другой бась, точно изъ трубы.

Раздается громкій смѣхъ; а Домна Сидоровна, о которой такъ лестно отозвалась труба, вся вспыхнула и съ выраженіемъ великой злобы устремила единственный глазъ въ толпу, стараясь насевозъ прострѣлить наглеца.

— Экой глазокъ золотой! похвалилъ снова трубный голосъ.

— Гдѣ только такая красавица уродилась! подхватилъ другой.

Анна Максимовна почла долгомъ вступить за свою гостью.

— Што вы это, охальники, безчинничаете! начала она. — Чѣмъ васъ дѣвушка трогаетъ, што вы такъ конфузите ее? Прямые фабричные черти, никакой величности въ васъ нѣтъ!

— Ну, и въ тебѣ тоже немного величности-то загуляло, даромъ што ты въ колоколѣ, отстаивали себя у двери. — Видали мы тоже и почище тебя!...

— А видали ли вы, какъ вашего брата за безчинства-то эвти по рожамъ бьютъ? спросилъ Максимъ Власичъ.

— Ты сперва за башмаками-то сходи, што вчера въ кабакѣ пропиль, а тамъ ужъ и показывай, отвѣчала труба.

— Не видали, значить! продолжалъ храбро Власичъ, задѣтый башмаками. — Такъ я вамъ, пожалуй, други милые, сейчасъ все эвто, какъ слѣдуетъ, въ лицахъ покажу... У меня за эвтимъ дѣло не станетъ!

Образованныя дѣвицы приняли въ нѣкоторое безпокойство.

— Неужели драка будетъ? спрашивала одна.

— Здѣсь этого только и можно ожидать! сказала другая.

Однако, никакой драки не случилось, потому что пришли холостые.

— Тятенька, холостые пришли! извѣстилъ изъ сѣней о приходѣ гостей Оедюшка.

Максимъ Власичъ оставилъ своихъ враговъ и поспѣшилъ къ гостямъ.

Въ сѣняхъ, освѣщенныхъ сальной свѣчкою, раздѣвались молодые люди, пришедшіе на дѣвичникъ. Оедюшка принималъ отъ нихъ тулупы, пальто и клалъ въ чуланъ.

— Здорово, холостые! привѣтствовалъ гостей хозяинъ.

— Здравствуй, Максимъ Власичъ, здравствуй!...

— Што, собрались барышни, Максимъ Власичъ? спрашивалъ одинъ изъ пришедшихъ, слесарь, съ жестоко-напомаженной головой и сильнымъ запахомъ дешеваго амбре.

— Хватился ты! отвѣтилъ хозяинъ. — Входите, прибавилъ онъ: — чай ужъ заждались дѣвчи-то!

— Погоди, дай немножечко припаратиться, отвѣчаютъ холостые.

— Ну, не больно фарсисто, замѣчаетъ Власичъ: — не взыщутъ!

— Нельзя же, надо немного...

— Власичъ, говоритъ набойщикъ: — сеомандуй-ка ты намъ на счетъ монаха въ зеленомъ сарафанѣ!...

— Што тутъ монаха, перебиваетъ другой набойщикъ съ необыкновенно-дохматою головой: — разѣ на долго намъ монаха? Сложитесь ужъ лучше на чугунку!

— И чудесное дѣло будетъ: это въ самую препорцію, одобрилъ Максимъ Власычъ.

Черезъ минуту онъ ужъ наказывалъ своему сынишкѣ:

— Ты, Оедюшка, бѣги што ни есть мочи! слышишь?

— Вона! Чай мнѣ не въ первый разъ! Одна нога здѣсь, другая тамъ!

— Молодецъ Оедюшка! хвалятъ мальчугана холостые.

— Теперь войдемъ! говоритъ слесарь.

Молодѣжь направилась къ отворенной двери, изъ которой цѣлымъ облакомъ валилъ паръ.

— Да не пройдешь!

— Ваньша! ты маленечко бы попричесался, совѣтуетъ одинъ парень набойщику съ лохматою головою.

— Вотъ еще, отвѣчаетъ тотъ: — и такъ сойдетъ!

— Погляди, Андрей Климычъ, хорошо ли у меня галстукъ завязанъ? проситъ одинъ юноша рѣзчика.

— Ничего, бантъ важный у тебя!

— Пойдемте, братцы, пойдемте! торопятъ холостыхъ слесарь.

— Эка народищу-то сколько набилось! говоритъ хозяинъ: — вы, холостые, не разомъ всѣ, а по одному пролѣзайте, предлагаетъ онъ молодѣжи.

Не малаго труда стоитъ молодымъ людямъ пробраться до середины избы, но кое-какъ, при помощи локтей и колѣнокъ, они благополучно достигаютъ цѣли.

При появленіи холостыхъ, дѣвицы поднялись; не встали только образованныя дѣвицы.

— Миръ честной компаніи, красныя дѣвушки! говоритъ слесарь, а за нимъ другіе молодцы.

Дѣвицы молча поклонились.

— Просимъ милости, холостые! встрѣчаетъ ласково сама Анна Максимовна. Холостые здороваются съ нею и начинаютъ усаживаться на скамейкѣ.

Воцаряется длинное молчаніе.

— Кто въ этотъ часъ родится, тотъ будетъ теленкомъ, раздается голосъ со стороны печи.

— Ладно, какъ дѣвка, а какъ парень, такъ бѣда! подхватываетъ другой ужъ съ печи: — жена за виски станетъ таскать!

Зрители смѣются, дѣвицы улыбаются въ платки, а холостые оборачиваютъ головы по направленію, откуда слышны голоса.

Зрители не унимаются.

— Да коли холостые все молчкомъ будутъ сидѣть, такъ и дѣвокъ на сонъ наведутъ!

— Ужъ и напали, и напали! вступается Максимъ Власычъ,

опять занявшій свое мѣсто у грядки. — Чай, вѣдь сначала-то еще не смѣло, а вотъ какъ пооглядятся, да выдуть прохолодиться, ну, и стануть, какъ слѣдуетъ... Да вы не напирайте, братцы, поотдайтесь немножко назадъ! Ишь, вѣдь, холостыхъ-то приперли почитай къ самому столу... Поотдайтесь, пожалуйста! Видите, чай, што на столѣ-то?

Холостымъ, на самомъ дѣлѣ, приходилось плохо: ихъ спины подвергались страшному напору и не мало требовалось силы и мужества съ ихъ стороны, чтобъ не полетѣть на полъ.

— Честью прошу, отодвиньтесь немножечко! вздыхаетъ снова Власичъ. — Вы только то возьмите въ голову, ежели столъ опрокинется, какихъ мнѣ тогда убытковъ все будетъ стоять. Будьте же истинными христіанами!

— Тятенька! слышится звонкій голосъ Оедюшки.

Лицо Максима Власича озаряется самой лучезарной улыбкой, и онъ говоритъ:

— Што же, холостые! прохолодиться, я думаю, теперича самое будетъ время?

Холостые перемигнулись и встали. Скамейка летитъ къ столу.

— Да хоть побойтесь Бога! чуть не вопить хозяинъ, обращаясь къ зрителямъ. — Ну, хорошее ли дѣло, поломаете все?...

— Пораздвиньтесь, дайте пройти холостымъ!

Но зрители стѣной стоятъ, и не даютъ прохода.

— Видно честью-то съ вами ничего не подѣлаешь, выходитъ изъ себя Максимъ Власичъ и пускаетъ въ ходъ кулаки.

Въ толпѣ раздались протесты.

— Ты што же дерешься-то?

— Да што же съ вами дѣлать-то, коли васъ честь не беретъ!

— Ну, ты не больно, Власичъ! Нонче, знаешь, за эвто и въ мировому угодишь?

— Ладно: стуцай жалуйся мировому!

Благодаря кулакамъ Власича, молодые люди выбираютъ въ сѣни.

— Принесли, што ли? почти въ одинъ голосъ спросили всѣ.

— Принесъ, отвѣчаетъ Оедюшка, показывая на бутылъ.

Къ водеѣ пристають и гуляки, знакомые гостямъ. Начинается разговоръ.

— Теперича посмѣлѣе, ребята, вамъ будетъ заняться съ дѣвухами, говоритъ одинъ гулака и выпиваетъ стаканъ.

— Конечно, съ перваго раза какъ-то неловко, особливо не хватимши ничего, говоритъ рѣзчикъ. — Ну, а какъ ты думаешь, хороши у насъ подобраны дѣвухи?

— Што говорить — дѣвки на подборъ!.. Только вотъ Домна одна немножечко подгадила компанію!

— Эвто вѣрно... И чудеса, братцы, за коимъ только она чертомъ по дѣвичникамъ таскается! Гдѣ бы ни случился дѣвичникъ, — непременно и Домна тамъ съ своимъ глазомъ сидитъ!

— Вѣрно прельстить кого мечтаетъ!

— Ну-ка, Максимъ Власычъ, мнѣ еще стаканчикъ! просить набойщикъ съ лохматой головой.

— Изволь, милый, изволь! съ большой охотой удовлетворяетъ просьбѣ Власычъ, наливая изъ бутылки въ стаканъ. — Мы вмѣстѣ съ тобой, Иванъ Елистратычъ, вмѣстѣ... Будь здоровъ!

Иванъ Елистратовичъ и глазомъ не успѣлъ мигнуть, какъ Власычъ хлопнулъ весь стаканъ.

— Што за водка, похвалилъ онъ: — такъ сама и идетъ по всему горлышку!

— Да ты, што же эвто, Власычъ, не мнѣ сперва?.. Такъ нельзя... Наливай!..

— Будетъ, будетъ, Ваньша! останавливаетъ лохматаго набойщика другой: — тебѣ дай волю, ты и радъ, а послѣ безчинничать станешь!

— Ты за меня не опасайся, дружище! говоритъ Иванъ Елистратовичъ: — мы себя лицомъ въ грязь не ударимъ! Ты дай только намъ срокъ, увидишь какъ Иванъ Елистратовъ отличится!

Зрители даютъ совѣты:

— Смотрите же, холостые, въ игрѣ назначайте больше цаловаться!

— Безъ васъ знаемъ, не учите!

Въ избѣ говорятъ:

— Неужели, Соня, такъ весь вечеръ и пройдетъ?

— Право, Настя, не знаю, что тебѣ на этотъ вопросъ и сказать, отвѣчаетъ другая. — Очень можетъ быть, что при такихъ кавалерахъ такъ безъ всякаго удовольствія время и пройдетъ.

— Какъ это грустно!

Анна Максимовна съ подобострастіемъ обратилась къ недовольнымъ дѣвицамъ:

— Што вы это, милья, говорите! Какъ можно, чтобъ вечеръ безъ удовольствія прошелъ? Вы сами знаете, што еще рано, холостые не смѣютъ... Опять и то,—не всѣ пришли...

Съ улицы въ окна глядятъ какія-то закрытыя лица. Слышны говоръ, звуки гармоники и топотъ трепака подъ бубенъ. Издали доносится припѣвъ одной пѣсни:

Ахъ жите, ахъ жите!
Горе горькое мое!

— Начинай! говоритъ рѣзчикъ, толкая локтемъ слесаря.

Слесарь вынулъ изъ кармана двѣ колоды картъ. Одну положилъ на столъ, а съ другой пошелъ къ дѣвицамъ.

— Въ какую же вы игру хотите играть? спрашиваетъ одна изъ образованныхъ дѣвицъ.

— Въ «кто что любитъ», отвѣчаетъ слесарь, молодецки встряхивая волосами.

Другія дѣвицы въ полголоса говорятъ:

— Мы не умѣемъ.

— Ничего не значитъ, отвѣчаетъ слесарь:—будемъ играть и научитесь. Эта игра не мудреная!

Слесарь переходитъ поочередно отъ одной дѣвицы къ другой, и каждой даетъ по картѣ или по двѣ. Когда онъ подошелъ къ Домнѣ Сидоровнѣ и предложилъ ей карту, она не приняла и сказала:

— Можеи Иванычъ, мы не можемъ играть, намъ не сдавайте!

— Нельзя-съ, Домна Сидоровна! Какъ же это ванпанію портить? Нельзя-съ!

— Какъ вамъ угодно, а мы не можемъ въ эту игру заниматься.

Слесарь охотно бы оставилъ въ покоѣ несговорчивую дѣвицу, но этимъ онъ подалъ бы поводъ и другимъ дѣвицамъ отказываться отъ игры; а потому онъ твердо настаивалъ.

— Примите одну карточку, Домна Сидоровна!

— Здѣсь много барышень, кромѣ насъ: просите другихъ!

— Другія всѣ принимаютъ, одна вы отказываетесь. Сдѣлайте милость, примите-съ!

— Просите другихъ, а насъ оставьте! упорствовала дѣвица.

Къ слесарю присоединили голоса и другіе холостые.

— Не портите игры, Домна Сидоровна!

— Возьмите карточку—и всѣ прочія барышни берутъ! начала просить и сама Анна Максимовна.

Домна Сидоровна еще больше уперлась.

— Сказала што не могу, и не могу!

Вступились, наконецъ, зрители.

— Какіе новче фокусы Домна-то строитъ! Вотъ ты и знай ее!

— Только, кажись бы, эвто ей не совсѣмъ къ лицу! Съ однимъ-то зракомъ не слѣдъ ванпанью гадить!

— А, можетъ, эвто она и не передъ добромъ: скоро у ней и другое око померкнетъ!.. Нешто она вольна въ себѣ!

Такия замѣчанія и громкій смѣхъ, которымъ они сопровождались въ толпѣ зрителей, скорѣе всякихъ упрашиваній уломали Домну Сидоровну: она взяла карту.

Окончивъ раздачу картъ, слесарь подошелъ къ столу и взялъ карту изъ другой колоды.

— Кто любитъ красныхъ дѣвушекъ? сказалъ онъ и открылъ карту.

Вынутая карта оказалась у набойщика Ивана Елистратыча.

— Ничего, я дѣвками не брезгую, сказалъ онъ. — А ну-ка вотъ теперича я задачу-то задамъ, прибавилъ онъ, протягивая руку къ колодѣ:—у кого такая карточка окажется, тотъ долженъ всю нашу компанію обойти по одному разу, а меня еще особо поцаловать двѣ дюжины!

— Вотъ такъ молодецъ! Ай-да Ваньша! дѣйствуй! раздались похвалы и одобренія со стороны зрителей.

Ваньша открылъ карту, самодовольно улыбнулся и сѣлъ на свое мѣсто.

— Каково мы дѣйствуемъ! шепнулъ онъ своему товарищу, уговаривавшему его не пить водку. — А надо бы еще прохолодиться.

Между тѣмъ скрытой карты ни у кого не оказывается. Холостые догадались, что карта у дѣвицы. Слесарь первый заговорилъ.

— Што жъ вы, дѣвушки, карточку-то скрываете? Али ужъ она очень вамъ понравилась? Нельзя-съ, назначенное надобно исполнить.

— Въ игрѣ не слѣдуетъ отказываться, урезонивалъ рѣзчикъ.

— Да не задерживайте игры, дѣвицы красныя! опять говоритъ слесарь.—Эдакъ только время станемъ тянуть понапрасну, а пріятности себѣ никакой не получимъ.

Набойщикъ Ваньша также нашелъ нужнымъ присовокупить свой голосъ.

— Што жъ вы эвто ломаетесь? сказалъ онъ.—Коли вы ужъ въ капризъ пошли, такъ мы и игру бросимъ! Наплевать!..

Хозяйка, видя что молодежь въ задоръ пошла, встала и подошла къ слесарю.

— Мокей Иванычъ! сказала она въ полголоса:—ну, што вы пристали къ дѣвушкамъ? Видите, чай, сколько гуляковъ! Дѣло дѣвичье, поди совѣстятся при всѣхъ цаловаться-то!

Доводъ былъ убѣдителенъ.

— Первая вина прощается, обратился слесарь къ дѣвицамъ:—назначенное перемѣнить...

— Мокей! прервалъ набойщикъ Ваньша:—эвто, братъ, ты не въ резонтъ!

— Кто любитъ по грибы ходить? предложилъ слесарь, не обращая вниманія на замѣчаніе набойщика.

Карта нашлась у той дѣвушки, съ которой мы встрѣтились въ началѣ разсказа. Агаша положила карту на столъ и взяла другую.

— Кто любить по саду гулять?

— А кто любить кашу мясляную? вырывается голосъ изъ-подъ полатей.

— Да любить самъ дуракъ, што назначаетъ, отвѣчаетъ слесарь.

— Дуракъ?! Самъ ты во сто разъ дурашнѣе меня, даромъ што ты слесарь!

— Онъ ли не онъ ли, што въ бѣлой манишкѣ, да при жилеткѣ съ часами, такъ ужъ и важнпчаетъ! кричитъ другой съ печи.

— Ну, пошли, пошли, загорланили! вступился Максимъ Васильчъ. — Помолчите, пожалуйста, братцы! вѣдь эдакъ вы всю банпаню сомнитѣ!.. Ну, хорошо ли это дѣло?

Набойщикъ Ваньша дернулъ за сюртукъ слесаря.

— Што жъ, чай, пора намъ прохолодиться-то?

— И то, соглашается тотъ:—выдемте отъ сраму!

Изъ толпы зрителей выступила впередъ закутанная женщина и пицить:

— Марья Ивановна какъ хороша!

— А Ѳекла Климовна еще лучше! пицить другая.

— Што жъ, Марья Ивановна, гостинчика-то позвольте! просить первая и выставляетъ рукавъ шубы.

Та, къ которой относилась эта просьба, скромно отвѣчаетъ:

— Намъ не позволено.

— Какъ не позволено? Гостямъ всегда позволяется.

— Позволяется, да временемъ.

— Всегда позволяется. Такъ дай же, красавица, ребенку въ соску!

Марья Ивановна перѣшительно встала, перѣшительно подошла къ столу, взяла нѣсколько пряничковъ, орѣшковъ и опустила въ протянутый рукавъ зрительницы.

— Дай Богъ тебѣ за это жениха хорошаго! благодарить по-прошайба и пятится назадъ.

Зрители не даютъ ей прохода.

— Скеси! пропустите!

— Прижми ее, прижми хорошенько! Ишь она какая: набрала гостинцевъ, да и домой.

— Ай, обменки, брюхо выдавили!

— Ничего, другое выростеть!

Образованныя дѣвицы начинаютъ зѣвать.

- Ахъ, какая скува! говоритъ Настасья Андреевна.
- Неужели же наши знакомые кавалеры не придуть? спрашиваетъ Софья Петровна. — Это просто ужасно будетъ, если они не придуть!
- Конечно!
- Мало-по-малу и другія дѣвѣцы осмѣливаются говорить.
- Ты на кого въ нонѣшнюю зиму, Алена, твешь? обращается съ вопросомъ къ сосѣдѣ дѣвица могучаго тѣлосложенія въ розовомъ кисейномъ платьѣ.
- Да сперва на братьевъ Горевыхъ ткала, а теперича тку на Посадова, отвѣчала худенькая дѣвушка, съ плоской грудью и блѣднымъ цвѣтомъ лица.
- Штò же на однихъ не ткала?
- Бумагу больно плоху стали давать, да провѣсы все: ну, выгоды-то и нѣтъ никакой, проработала бы всю зиму на хозяевъ... Ну и перемѣнила. Ужь очень строгости у нихъ большія пошли.
- Рядомъ идетъ другой разговоръ:
- Гдѣ ты, Паша, на платье-то себѣ покупала?
- На ярмаркѣ, нонче объ Здвиженьѣ.
- У кого?
- Не знаю, Груша: мамынька вѣдь покупала.
- И я себѣ, какъ выработаю што за зиму, непременно точно такой же матеріи куплю.
- Купи. Очень прочна.
- Возвращаются холостые.
- Слушайте, холостые! говоритъ слесарь: — я полагаю, што теперича не мѣшаетъ и въ фанты начать?
- Сперва надо окончить первую игру, а тамъ и за другую примемся, подаетъ свое мнѣніе рѣзчикъ.
- Иванъ Елистратычъ не соглашается съ мнѣніемъ рѣзчика.
- Штò карты — наплевать! Валяй, Мокей, въ фанты!
- Не рано ли, братцы, въ фанты? замѣчаетъ другой набойщикъ. — Може лучше повременить, гуляковъ еще очень много!
- Иванъ Елистратычъ хочетъ уничтожить основательность и этого замѣчанія.
- Штò намъ гуляки — наплевать! Мокей! погляди на часы, который часъ?
- Слесарь взялся за жилетный карманъ.
- Не заведены, сказалъ онъ въ отвѣтъ Ивану Елистратычу.
- Зрители стали подсмѣиваться.
- Позабылъ, должно, Мокей Иванычъ, часы-то у сея дома? Смотри, не украли бы ихъ у тебя тамъ лихіе люди!

— Ну, ты много не сумлѣвайся! Видно, у него одна цѣпочка, што на жилеткѣ, а часовъ-то и не загуляло!

Смѣхъ.

— Мокей! зачинай игру, повелительно говоритъ Иванъ Елистратычъ.

Слесарь и самъ радъ былъ начать игру, чтобы положить конецъ насмѣшкамъ; онъ вступилъ ужъ и въ переговоры съ рѣзчикомъ, какъ вдругъ дѣвицы, одна за другой, поднялись съ мѣстъ и вереницей потянулись въ сѣни, чтобы «поосвѣжиться».

— Теперича и на нашей улицѣ праздникъ, съ торжествомъ проговорилъ слесарь, когда дѣвицы вышли. — Засаживайте мѣста, холостые!

— Мокей Иванычъ, обратился къ слесарю юноша, очевидно, въ первый или второй разъ попавшій на дѣвичникъ: — по скольку же мнѣ запрашивать?

— Дюжину, Вася, а стануть противиться, довольствуйся и полдюжиною — дѣлать нечего!

— Слушай, Васютка, што говоритъ Мокей, поддерживалъ авторитетъ слесаря Иванъ Елистратычъ: — онъ парень ловкій, знаетъ, какъ умаслить дѣвокъ... Слушайся!... Не пропадешь, Васютка!

Юноша сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, сѣлъ на мѣсто Агаши и весь покраснѣлъ.

— Не робѣй, главное — не робѣй! ободрялъ юнца Иванъ Елистратычъ, усаживаясь на чье-то мѣсто: — для него рѣшительно было все равно, на чье бы мѣсто ни сѣсть. — Не мѣшало бы тебѣ выпить, духу-то вольнаго у тебя поприбавилось бы маненько, да младъ ты, Васютка, а потому и не будетъ тебѣ отъ меня благословенія на худыя дѣла... Помилуй Богъ, ежели я да увижу, што ты за эвто вино примешься! Бойся меня, Васютка!...

Другой набойщикъ хотѣлъ-было остановить своего пріятеля, что, дескать, при народѣ не слѣдъ учить Васютку, хотя онъ и молодецъ; но Иванъ Елистратычъ такъ мало обращалъ вниманія на публику и притомъ такъ глубоко былъ убѣжденъ въ необходимости руководителя для юнаго Васи, что не только не остановился въ своихъ наставленіяхъ, но даже и пріятелю своему счелъ нужнымъ сдѣлать приличное внушеніе.

— Молчи, Трофимъ! Ты еще разумомъ не дошелъ до меня... Значить, ты сиди и только молчи, а Иванъ Елистратовъ будетъ говорить: Иванъ Елистратовъ завсегда можетъ говорить. А твое дѣло молчать и слушать, што говоритъ Иванъ Елистратовъ!.. Какъ же ты можешь мнѣ говорить, штобы я оставилъ Васютку,

коли онъ безъ отца на свѣтѣ живетъ, граверному дѣлу обучается?..

— Перестань, ради Христа, перестань! умолялъ Трофимъ: — здѣсь, вѣдь, не у себя дома, народъ...

— Не перестану, не могу! кричитъ Иванъ Елистратычъ: — Нѣшто возможно мнѣ сироту безъ призора оставить? Кому онъ дорогъ? Для всѣхъ онъ, сиротка Божій, чужой!.. Понялъ ты эвто, али нѣтъ?.. Ты вѣдь другъ мнѣ, я тебя за мѣсто роднаго брата почитаю, а я тебѣ прямо въ глаза скажу: дуракъ ты, Трофимъ! Поцѣлуй!..

— Сдѣлай милость, собрати ты себя! просить другъ, уклоняясь отъ подалуя: — ты на всѣхъ насъ безчестье великое гледишь! Говорилъ давеча тебѣ: не пей, Ваньша! Не послушался, вотъ и учаль безчинничать...

— Наплевать! Кого мы боимся? Вѣдь мы на свое пьемъ! Разѣ мы за свое добро не вольны веселиться?.. Троша, другъ ты мой сердечный, не огорчай ты меня!.. Ахъ, да гдѣ же эвто у насъ Власычъ? Власычъ, Максимъ Власычъ! — закричалъ Иванъ Елистратычъ на всю избу.

А Максимъ Власычъ, пользуясь тѣмъ, что холостые засѣли мѣста, возымѣлъ потребность еще немного пропустить и непримѣтно ускользнулъ въ сѣни.

— Власычъ! да гдѣ же ты? — зывалъ Иванъ Елистратычъ. Максимъ Власычъ не замедлилъ явиться на голосъ Ивана Елистратыча.

— Удивленье, што эвто за безстыжій народъ, сильно негодоваль, возвращаясь изъ сѣней, Максимъ Власычъ, проталкиваясь впередъ. — Ну, можно бы, чай, и не лѣзть къ столу? Кто станетъ отвѣчать, ежели столъ какъ пошатнется?.. Свиныи, право свиныи!

— Власычъ!

— Я здѣсь, Иванъ Елистратычъ, никакъ вотъ совладать съ ними не могу... Экой, Господи Боже мой, народъ у насъ подлый и пребезсовѣстный!..

— Подойди ко мнѣ, Власычъ, продолжалъ Иванъ Елистратычъ. — Теперича наклонись, мнѣ надо по секрету на ушко тебѣ сказать: нельзя ли вино туда вонъ, за перегородку поставить? Мы оба сичасъ же съ тобой по стаканчику!

— Ахъ, милый! съ печалью отвѣтилъ Власычъ: — вѣдь оно ужъ при окончаніи, почитай все до капли вышло!

— Што ты говоришь! ужаснулся вслухъ Иванъ Елистратычъ. — Гони, коли такъ, ты свою Оедюшку опять въ кабакъ, по-

тому безъ вина мы, што насъ здѣсь ни есть въ канпаньи, пропали всѣ до одинаго! Мокей!

— Иванъ Елистратычъ, мнѣ надо переговорить съ тобой, сказалъ слесарь и пошелъ за перегородку. — Ну, какъ тебѣ не стыдно! началъ онъ урезонивать набойщика: — што о насъ подумаютъ гуляки? скажутъ, што мы и пьянцы и озорники! Ты если не себя, такъ хотъ насъ пожалѣй немножко... Знаешь, выпили мы сегодня, а завтра ужъ до тонкости все и хозявамъ будетъ извѣстно! Какъ же ты объ этомъ не подумаешь?

— Резонтъ! люблю умныя слова слушать, уступилъ Иванъ Елистратычъ. — Я умныхъ словъ всегда послушаюсь... Такъ ты говоришь, Мокей, полведра надо взять? Я согласенъ...

— А денегъ у тебя много? спросилъ Трофимъ.

— Што деньги! У меня пальто на ватѣ...

— Ахъ, што за милый человѣкъ этотъ Иванъ Елистратычъ! восхитился Максимъ Власычъ: — онъ на все готовъ, ему ничего не жаль... Экая душа! Глядѣть, на рѣдкость нонче можно такихъ людей встрѣтить!..

Только что за перегородкою успѣли поладить на счетъ вина, какъ въ избу стали возвращаться дѣвицы. Замѣтивъ, что мѣста ихъ заняты, онѣ немного постояли, перемолвились между собою и потомъ, не торопясь, начали разсаживаться на скамейку и куда ни попало.

— Барышни, говоритъ слесарь: — што же это вы на чужія мѣста садитесь? Кажется, вамъ это не совсѣмъ прилично!

— А вы нашто наши мѣста заняли, отвѣчаютъ дѣвицы.

— Занять хоша мы и заняли, но вы завсегда вольны ихъ выкупить.

Дѣвицы перемигиваются, бодаютъ изподлобья взгляды на холостыхъ и въ сторону хихикаютъ.

— Выкупайте же, барышни, свои мѣстечки, настаиваетъ слесарь.

Но дѣвицы продолжаютъ хихикать и сидѣть на чужихъ мѣстахъ.

Иванъ Елистратычъ не можетъ вытерпѣть.

— Вы што же опять ломаться? говоритъ онъ. — Коли такъ, такъ мы и уйдемъ, наплевать на васъ!..

— Ваньша, ради Христа, уймись! разѣ можно такъ въ канпаньи отвѣчать! останавливаютъ набойщика товарищи.

— Я ничего... Эка важность! Наплевать!

— Эхъ, барышни, урезониваетъ слесарь: — какъ вамъ не стыдно въ печкѣ-то жаться? Конфузъ!

— Дѣлать нечего, дѣвушки, надо выкупать свои мѣстечки! помогаетъ холостымъ сама Анна Максимовна.

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и увѣщеваній со стороны холостыхъ, дѣвицы рѣшаются выкупать мѣста.

— Пустите на мое мѣстечко, просить одна дѣвушка, подойдя къ рѣзчику.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Только пожалуйста выкупъ!

— Какой же вамъ выкупъ? спрашиваетъ дѣвица, притворяясь непонимающею въ чемъ дѣло: — пряничекъ или орѣшикъ?

— Дюжину поцалуевъ, поясняетъ рѣзчикъ.

— Ой! штой-то больно много! вскрикнула дѣвица.

— Меньше взять никакъ нельзя-съ!

— Одинъ разъ, предлагаетъ дѣвица.

Начинають торговаться. Дѣло слаживается на полдюжинѣ.

Дочь писаря стояла передъ слесаремъ.

— Если вы образованный кавалеръ, внушала она ему: — то должны понять, что съ вашей стороны довольно невѣжливо заставлять передъ собою стоять барышню.

— Невѣжества съ нашей стороны, кажется, тутъ никакого нѣтъ, Софья Петровна, отвѣчалъ слесарь: — вы сами причиной всему! Цѣну я съ васъ прошу самую аккуратную.

— Однако, какое упрямство съ вашей стороны! Неужели вамъ и не стыдно?

— Ежели бы я себя чувствовалъ виноватымъ, то очень бы мнѣ стыдно было.

— Это наконецъ ужасно! съ отчаяніемъ произнесла барышня.

— Ну? прибавила она и подставила щеку.

— Несносный мужчина! слышалось въ то же время съ другой стороны.

— Ай-да холостые, молодцы! хвалятъ зрители.

Оставалось два невыкупленныхъ мѣста: Ваньши и Васютки.

— Ты, Иванъ Елистратычъ, обратился къ набойщику рѣзчикъ: — смотри, братъ, не останься тутъ зимовать!

Иванъ Елистратычъ хладнокровно отвѣчалъ:

— Ничего... Коли захотятъ, такъ выкупятъ, а то мнѣ и наплевать!... Вотъ отрокъ, прибавилъ онъ, вскидывая глаза на юношу: — отрокъ погибаетъ... Жаль Васютку!

Но въ отроку подошла Агаша и, послѣ двухъ словъ, поцаловала его шесть разъ, да еще сверхъ условія прибавила три самыхъ крѣпкихъ поцалуя.

Отрокъ, весь въ огнѣ и пошатываясь, возвратился на свое мѣсто.

Съ улицы въ стекла попрежнему глядѣли закутанныя фигуры.

Какъ только Агаша, поцаловавъ юношу, сѣла на мѣсто, вдругъ снаружи раздался ударъ и одно стекло изъ рамы съ дребезгомъ полетѣло на полъ. Дѣвицы вздрогнули. Агаша побѣлѣла.

— Ай! што это за безчинники! воскликнула Анна Максимовна: — стекла ужь стали бить! Тятенька!

— Караулъ, разбой! закричалъ Максимъ Власычъ и кинулся изъ избы.

— Какой скандалъ! съ негодованіемъ говорила дочь прикащика.

— Мы просто можемъ здѣсь жизни навсегда лишиться! отчаявалась дочь писаря.

— Ничего-съ, не безпокойтесь, Софья Петровна, старался успокоить дѣвицъ слесарь: — у насъ здѣсь такое обыкновеніе, рѣдкій дѣвичникъ проходитъ, чтобы гдѣ стекло не побили, али чего другаго не сдѣлали. Все это пустяки-съ!

Дѣвицы перешоптывались, косились на Агашу, качали головами и загадочно улыбались. Агаша, все такая же бѣлая, сидѣла съ опущенной головою и не смѣла ни на кого глазъ поднять.

— Дѣвви! заговорилъ Иванъ Елистратычъ, сидѣвшій у прошибеннаго окна: — заткните чѣмъ-нибудь дыру, а то мнѣ въ спину несетъ! Простужусь!

— Да ты што же тутъ сидишь? бойко спросила его дѣвица съ могучимъ тѣлосложеніемъ, которой принадлежало занятое Ивановъ Елистратычемъ мѣсто.

— Сяжу, мѣсто насиживаю... Выкупай, коли хошь, пока горячо, а то остынетъ.

— Ахъ ты, выворотневъ сынъ! окрестила дѣвица: — сидѣлъ бы дома, а то еще на дѣвичникъ прилѣзъ. Ну, вставай, што ли?

Изъ сѣней слышалась рѣчь Максима Власыча.

— Убѣжали... Экіе разбойники! Сюда, Ѳедюшка, поставь! Надо холостыхъ позвать.

— Али принесли? грянулъ вдругъ Иванъ Елистратычъ и поднялся. — Прохолодиться хочу, прибавилъ онъ, увидя что товарищи опять съ укоромъ на него смотрять.

— Прохолодимтесь и мы, сказалъ рѣзчикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ молодежь хлопотала ужь на счетъ фантовъ.

— Прежде надо куфню разыграть, говорилъ слесарь. — Я пойду съ одной стороны, Андрей Климонычъ, а ты съ другой.

— Ладно.

Стали разыгрывать кухню.

— Какъ васъ зовутъ, Авулина Ивановна? спросилъ рѣзчикъ, подойдя къ дѣвицѣ съ могучимъ тѣлосложеніемъ.

— Скворода!

— Такъ вы сковорода, Агулина Ивановна?

— Сковорода.

— А што у васъ на пальцѣ?

— Перстень... сковорода, спохватилась дѣвила, но было уже поздно.

— Проговорились! засмѣялся рѣзчикъ: — пожалуйста фантикъ! Дѣвица сбинула кольцо и подала рѣзчику.

— Какія вамъ больше фрукты нравятся, Аграфена Кондратьевна? спрашивалъ слесарь другую дѣвицу.

— Голикъ, отвѣчала Аграфена Кондратьевна.

— Што, вы нонѣшней зимой ходили въ лѣсъ за ягодами?

Дѣвицы разсмѣялись.

— Пожалуйста фантикъ!

Зрителей становилось меньше, но за то тѣ, которые были въ избѣ, казалось, хотѣли остаться надолго. Одни изъ нихъ стояли, прислонясь къ стѣнѣ, другіе сидѣли на печкѣ, а нѣкоторые лежали на полатахъ и только однѣ ихъ головы были видны. Ближе къ зрителямъ, впереди, стояли мужчины въ шубахъ и пальто съ бобровыми воротниками. Анна Максимовна нѣсколько разъ всматривалась въ стоящихъ, стараясь узнать кто такіе; но зрители упорно скрывали лица и не хотѣли открыть себя. Наконецъ, хозяйка не вытерпѣла, подошла къ одному и быстрымъ движеніемъ руки открыла воротникъ.

— Ахъ, вотъ они! вскричала она, узнавъ въ зрителѣ рылинскаго прикащика. — Што же вы такъ долго?

— Извините, Анна Максимовна, отвѣчалъ прикащикъ, высокій молодой человекъ, снимая шапку и раскланиваясь: — некогда было...

— А насъ узнали? спросилъ семинаристъ Розоновъ.

— Куда намъ шубы положить? говоритъ конторщикъ Голубевъ.

— Ахъ, сейчасъ, сейчасъ... Тятенька!... тятенька!

Издали, словно изъ самой глуби двора, послышался голосъ.

— Ну, што тебѣ?

— Подите, гости пришли!

— Ну, а мнѣ какое дѣло?

— Да говорятъ вамъ: выдѣте! Алексѣй Николаичъ пришли, Никандра Васильичъ, да Павелъ Николаичъ...

Моментально предсталъ самъ хозяинъ.

— Ахъ, милые! говорилъ онъ, кланяясь и улыбаясь: — все ли вы здоровы? пожалуйста, пожалуйста-съ! Просимъ милости! Одежку-то сюда пожалуйста, сюда... Я приберу-съ...

— Смотри, Власичъ, чтобы шубы наши не ушли гулять, замѣтилъ прикащикъ.

— Ахъ, што вы, душенька! Нешто кто у меня посмѣеть это сдѣлать? Помилуйте-съ!

— Какъ ваше здоровье, Анна Максимовна? обратился прикащикъ къ хозяйкѣ, подавая ей руку.

— Покорно васъ благодарю, Алексѣй Николаичъ.

— Настасья Андревна, Софья Петровна! говорилъ прикащикъ, раскланиваясь съ образованными дѣвицами, и пожимая имъ ручки.

— Мое почтеніе!

— Какъ вы долго! Ну, развѣ это не безчеловѣчно съ вашей стороны! упрекала Настасья Андреевна.

Но къ холостымъ новые гости отнеслись чрезвычайно пренебрежительно, слегка только кивнувъ головою на почтительные поклонны, которыми тѣ ихъ встрѣтили. Разыгрываніе «вухни» приостановилось. Но за то сіяли лица дѣвиць.

— Что же, господа, продолжайте! сказалъ конторщикъ, закуривая папирску и покручивая черные усы.

— Сейчасъ, отвѣчалъ слесарь и опять пошелъ обирать фанты. Настасья Андреевна жаловалась своему кавалеру.

— Ахъ, что только за канпанія собралась! Мы, Алексѣй Николаичъ, съ Соней ужъ хотѣли домой уйти.

— Что вы говорите, Настасья Андревна! возразилъ собесѣдникъ: — канпанія здѣсь отличная, кавалеры самые антересные...

— Ахъ, какой вы насмѣшникъ, Алексѣй Николаичъ!

Семинаристъ Розоновъ говорить съ другой образованной дѣвицей.

— Такъ вы скучаете, Софья Петровна?

— Да развѣ можно здѣсь было не скучать, Павелъ Николаичъ? Кромѣ грубостей и мужицкихъ словъ — другихъ удовольствій здѣсь нѣтъ.

— Конечно, для васъ мало въ такомъ обществѣ развлеченія. Это такъ-съ...

Слесарь подходитъ къ первой парѣ.

— Пожалуйста, ваши фантики! говоритъ онъ, обращаясь къ нимъ съ почтительной улыбкой.

— Съ чѣмъ вы хотите назначить? спросилъ конторщикъ Голубевъ.

— Извѣстно съ чѣмъ: теперь чай и сухари нужно разносить.

— Какъ же вы сами назначаете? Я думаю, это надѣе предоставить барышнямъ: первый фантъ съ чѣмъ вы назначите, барышни? отнесся конторщикъ къ дѣвицамъ.

— Съ розаномъ! отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Съ кораблемъ! говорили другіе.

— Нѣтъ, лучше съ розаномъ!

Слесарь потрясъ платокъ, а хозяйка опустила руку и вынула перстень.

— Чей супирь?]

— Мой! сказала одна дѣвица и встала.

Слесарь подалъ ей перстень.

— Еслибы я была розаномъ, гдѣ бы вы меня пришилили? обратилась она къ конторщику.

— Къ сердцу! отвѣтилъ тотъ и приложилъ руку къ груди.

— Поворно васъ благодарю.

Дѣвица шла дальше. Кто говорилъ: «къ пламенной груди», кто—«на манишку», кто «въ голову» и т. д. Дошла очередь и до Ивана Елистратыча, который ужъ находился въ состояніи легкаго забытья.

— Пришилили?... Кого пришилили?—спросилъ онъ вдругъ, прида въ сознаніе.

— Еслибы я была розанъ, гдѣ бы вы меня пришилили? — повторила вопросъ дѣвица.

— Поцалуй, такъ скажу.

— Съ чего ты это взялъ? Чай, въ этой игрѣ не цалуются!

— Ну, такъ проваливай мимо!

Одна изъ образованныхъ дѣвицъ презрительно замѣтила:

— Какое вѣжливое обращеніе!

— Необразование! сказалъ семинаристъ Розоновъ. — Софья Петровна, чѣмъ вы занимаетесь въ часы свободы и отдохновенія? спросилъ онъ у сосѣдки.

— Читаю книжки, Павелъ Николаичъ!

— Прекрасное занятіе! Какія же вы книжки читаете: историческія или романическія?

— Всякія... Я больше люблю романы, ну и хорошенькіе стихи... Вотъ я недавно читала романъ «Черный гробъ или кровавая звѣзда». Сочинитель въ этомъ романѣ говоритъ объ атаманѣ разбойниковъ, который влюбленъ въ одну барышню... Да вы, можетъ быть, и сами читали эту книжку?

— Нѣтъ-съ, не читалъ.

— Ахъ, прочитайте! Я вамъ скажу, такъ хороша, что просто чудо! Особенно тамъ подземелье какое-то представлено, и въ это подземелье атаманъ желѣзная рука влечетъ обворожительную Аксинью... Даже я безъ слезъ читать не могла!

— Какое у васъ нѣжное сердце! сказалъ Розоновъ. — Если бы вы такъ же сочувствовали и другимъ, которые по васъ страдаютъ! прибавилъ семинаристъ съ легкимъ вздохомъ, сопровождаемымъ пламеннымъ взглядомъ.

— Вы, кажется, говорите мнѣ комплименты... Ахъ, я могу сконфузиться! не говорите, мнѣ очень стыдно!...

Приващикъ Алексѣй Николаичъ, бесѣдуя съ Настасьей Андреевною, также разговоръ перенесъ на тему о сердцѣ, съ тою только разницею, что тема Розонова имѣла характеръ болѣе идеальный, тогда какъ тема приващика имѣла чисто реальное содержаніе. Онъ, затягиваясь дымомъ папироски, говорилъ:

— Вы увѣрили меня, что она къ нему не равнодушна, а я вамъ скажу, что этому вѣрить нельзя. На словахъ барышни общаются много, а на дѣлѣ ничего!

— Но вы войдите только въ ея положеніе, тихо, но въ то же время чрезвычайно выразительно говорила Настасья Андреевна:— она къ нему неравнодушна, сердце ея не знаетъ себѣ никакого покоя, но что же она можетъ сдѣлать, когда есть люди, которые за нею смотрятъ? Поймите же вы, наконецъ, это!

Пара говорила лично о себѣ, но чтобы вести разговоръ съ большей свободою, тотъ и другой о себѣ упоминали въ третьемъ лицѣ.

— Нѣтъ-съ, Настасья Андреевна, я не могу вамъ повѣрить— извините меня!— до тѣхъ поръ, пока она ему не назначитъ свиданія наединѣ...

— Вы ищите ея гибели!

— Одного только доказательства!

— Однако, какъ это жестоко съ вашей стороны!

Въ разговорахъ и игрѣ въ фанты незамѣтно летѣло время. Было уже два часа за полночь. Зрители почти всѣ разошлись, въ избѣ осталось нѣсколько человѣкъ, и то больше спящихъ гдѣ-нибудь на поляхъ или печи. Изъ-за перегородки Гаврилиха вынесла подносъ, уставленный чайными чашками, которыя также на этотъ случай, какъ и подносъ, были выпрошены у купчихи Александры Васильевны. Дѣвицы принялись за чай, а холостые, исключая приващика съ конторщикомъ и семинариста, выжидали, когда освободятся чашки.

— А скажите мнѣ, Павелъ Николаичъ, что значитъ слово «ода»? спрашивала любознательная Софья Петровна у семинариста.

— Ода?—семинаристъ задумался немного. — Ода есть лирическое изображеніе извѣстнаго чувствованія, продолжалъ онъ вдохновившись: — въ которомъ восторженный пѣтъ, забывая все земное, переносится въ міръ безконечный...

— Какъ это мудрено! замѣтила сосѣдка.

Иванъ Елистратычъ, услыхавшій восторженное опредѣленіе оды, вскинулъ голову и уставилъ глаза на питомца семинаріи.

— Закомуристо! пробормоталъ онъ и снова погрузился въ сладкую дремоту.

Фанты шли своимъ чередомъ. Назначили «монаха». Конторщикъ Голубевъ подошелъ къ столу и стучить.

— Кто стучить? спрашиваютъ дѣвицы.

— Монахъ.

— Зачѣмъ пришолъ?

— За монашеною.

— За которой?

Конторщикъ окинулъ пристальнымъ взглядомъ дѣвицъ и остановился на Агашѣ.

— Пожалуйста вы!

Агаша поднялась, подошла къ конторщику и поцаловала его.

— Благодарю васъ, сказалъ конторщикъ и сѣлъ на мѣсто.

Агаша почему-то выбрала себѣ въ монахи Ивана Елистратыча.

— Иванъ Елистратычъ!

— А?

— Вставай, тебя въ монахи желаютъ!

Иванъ Елистратычъ всталъ, поглядѣлъ на всѣхъ и неровнымъ шагомъ направился къ двери, остановился, постоялъ немного и опять вернулся на мѣсто.

Въ публикѣ смѣхъ.

— Што же ты, монахъ, не идешь къ монашенѣ? спрашиваютъ его.

— Наплевать... все выпили...

Конторщикъ подлетѣлъ къ Агашѣ и сказалъ:

— Возьмите меня въ монахи!—и, не давъ ей отвѣтить, быстро поцаловалъ.

Юноша Вася поблѣднѣлъ, а Настасья Андреевна сдѣлала гримаску.

— Какая это дѣвчонка гадкая! проговорила она въ полголоса, обращаясь къ прикащику.—Напрасно Нивандра Васильичъ съ ней занимается.

— Что такое? спросилъ прикащикъ.

— Здѣсь стекла выбили изъ-за нея!

— Вотъ какъ! А кабая свромная... Такъ я васъ провожаю сегодня?

— Ужь вы!

Гаврилица обносила чаемъ холостыхъ. Иванъ Елистратычъ отказался-было, но потомъ принялъ и сталъ пить. Выпивъ чашку, онъ пожелалъ другую, а затѣмъ и третью.

— Вотъ поди ты, какая оказія, рассуждалъ вслухъ Иванъ Елистратычъ:—думалъ, што я усну, а выпилъ чаю, и прошло!

Надо эвто мнѣ запомнить. И голова свѣжа... Ахъ, да я теперича опять могу выпить сколько угодно, ей-богу!

Во время игры, дѣвицы оказывали большую любезность молодымъ кавалерамъ, какъ они называли прикащика, конторщика и семинариста, и больше цаловались и говорили съ ними, чѣмъ съ другими холостыми, что послѣднимъ крайне не нравилось. Особенно разобидѣлся слесарь, когда Софья Петровна «тонула въ колодцѣ», и онъ изъявилъ желаніе вытащить ее, а она сказала, что напрасно онъ беспокоится, что найдутся, и вромѣ его, другіе, которые спасутъ ее.

— Выдемте, братцы, прохолодаться! сказалъ оскорбленный слесарь.

Въ сѣняхъ почти стемнѣло. Нагорѣвшая свѣчка слабо освѣщала только одинъ уголь, гдѣ стояли.

— Гдѣ же Власичъ? спрашивали холостые.

— Никого нѣтъ, и Оедюшка пропалъ...

— Загляни-ка кто нибудь въ чуланъ!

— Снимите, братцы, со свѣчки, а то не видать ничего.

Власича отыскали спящимъ въ пубахъ.

— Вставай, надо выпить!

Максимъ Власичъ вскочилъ какъ встрепанный.

— Неужто вы еще здѣсь?... Ахъ, милые! Сичасъ, съ удовольствіемъ, водка тутъ... Эхъ, какъ перезяблось! Вотъ когда выпить-то хорошо!

— Наливай, наливай проворнѣе!

— Слушайте, братцы, говорилъ слесарь, урѣзывая одинъ за другимъ два стакана:—теперича, я полагаю, намъ ничего вромѣ не остается дѣлать, какъ только пить...

— Што вѣрно, такъ вѣрно! согласился Иванъ Елистратычъ.

— Все хорошо шло, а какъ пришли эти стракулисты, и дрянъ дѣло стало, продолжалъ слесарь:—дѣвки теперича и вниманія на насъ не обращаютъ... Неужели мы хуже ихъ, а?

Максимъ Власичъ, со стаканомъ въ рукѣ, стоялъ передъ Ивановомъ Елистратычемъ и вланился улыбаясь.

— Будь здоровъ!

— Пей!...

— Нѣтъ, мы имъ покажемъ себя, кто мы есть! говорилъ рѣзчикъ.—Што же мы будемъ послѣ эвтого... Передай стаканъ!

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ, не унимался слесарь:—што я хуже поповича? Я первый мастеръ на заводѣ считаюсь, а она какую штуку со мной сыграла! Вѣдь это обидно!...

Набойщикъ Трофимъ предложилъ успокоиться.

— Будетъ, будетъ вамъ, братцы!... Ей-богу, нехорошо...

— Трофимъ! ты опять? сказалъ Иванъ Елистратычъ.—Молчи! Юный граверъ отозвалъ въ сторону Власьича.

— Максимъ Власьичъ, дай ты мнѣ стаканчикъ! Хочу я попробовать, што это за вино такое, што всѣ пьютъ и веселы отъ него бываютъ.

Максимъ Власьичъ даже возрадовался такой просьбѣ.
— Ай, паренекъ, за разумъ взялся! Давно бы ты мнѣ сказалъ, а то во весь цѣльный вечеръ ни одного стаканчика не пропустилъ. Ахъ, милый, милый!.. На-ва... Погоди, допрежь я самъ... Будь здоровъ!

Когда Власьичъ поднесъ Васѣ, тотъ съ такой молодцоватостью хлопнулъ весь стаканъ, что можно было подумать, что онъ давнымъ давно подвизается на этомъ пути.

— Еще хочу! крикнулъ Вася, подставляя стаканъ.

Иванъ Елистратычъ медленно повернулъ голову.

— Кто это кричитъ?... Батюшки! отрокъ Васька!... Стой, а не то расшибу! ревълъ Иванъ Елистратычъ, выдаясь къ юношѣ.

— Давай, Власьичъ, я пить хочу! кричалъ Вася, отпихивая отъ себя набойщика.

— Васька! што это?... Понимаешь ли ты, подлець, што на погибель свою идешь?... Не пей!... Вася, сирота ты божій, не пей!... Вспомни, у тебя родительница есть!

— Теперь мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла!.. Она... безчестная! а я жениться на ней хотѣлъ!...

А въ избѣ всѣ были такъ веселы и довольны, что даже никто и не вспомнилъ объ отсутствіи холостыхъ. Прикащикъ рассказывалъ такіе смѣшныя анекдоты, отъ которыхъ дѣвицы хохотали до слезъ. Домна Сидоровна, дѣвица далеко невеселаго нрава, и та повремениамъ фыркала и говорила сосѣдѣмъ:

— Какой этотъ парень смѣшникъ! Вотъ я люблю такихъ-то!... Гаврилиха тоже выгодно отзывалась о прикащикѣ.

— Вотъ вратъ-то умѣетъ — не приведи Владыко милостивый! Ну, такой-то люблю дѣвку обойдетъ!

Одна Агаша не глядѣла веселою и ни разу не усмѣхнулась. Сидѣла она убитою, съ опущенными глазами и съ горькою мыслью о своемъ недавнемъ безчестьѣ. Она готова была уйдти съ дѣвчаника, бѣжать куда-нибудь, лишъ бы только не встрѣчать и не видѣть насмѣшливыхъ людскихъ глазъ, которые на части терзали ея молодое сердце; но она не смѣла уйти, ей некуда было идти... «Что я имъ сдѣлала, за что они осрамили меня?» не выходило у ней изъ головы и ни на минуту не давало ей покоя. «И Вася тутъ былъ, что онъ обо мнѣ подумаетъ?... Что завтра скажетъ его мать, когда узнаетъ... Ахъ я несчастная!»

— Скажите мнѣ, о комъ вы мечтаете? спрашивалъ у Агаши конторщикъ, желая вызвать ее на разговоръ. — Повѣдайте мнѣ тайну вашего сердца!

Кругомъ смѣялись.

— Не спѣть ли намъ пѣсенку, господа? предлагалъ товарищамъ Розоновъ.

— Ахъ, это будетъ очень великолѣпно! находила Софья Петровна.

— Только съ однимъ уговоромъ, сказалъ прикащикъ: — вы, барышни, не бѣгите, когда мы запоемъ!

— Какой смѣшникъ!

Молодые люди запѣли «романсъ», только что начинавшій входить въ большую моду въ селѣ Бубновѣ.

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ,
Съ высокой темной лѣстницей,
Съ завѣшаннымъ окномъ.

Дѣвицы слушали съ великимъ удовольствіемъ пѣніе, а Настасья Андреевна и Софья Петровна не спускали глазъ съ пѣвцовъ.

Какая чудо дѣвица,
Въ завѣтный часъ ночной,
Меня встрѣчаетъ блѣдная
Съ распушенной косой.

— Какъ поютъ!

— Очаровательно!

Холостые давно вернулись и сидѣли на скамейкѣ. Имъ, видимо, хотѣлось помѣшать пѣвцамъ, но они не знали, какъ это сдѣлать, и потому всѣ разомъ начали кашлять.

— Простудились, господа? сказалъ прикащикъ, оборачивая къ нимъ голову.

— Нѣтъ, мы не простудились, заговорилъ слесарь. — Вы здоровы ли? а мы ничего... Дѣвушки, што же вы фантики-то оставили?

— Разыграли всѣ, отвѣтилъ прикащикъ: — вы долго ужъ очень прохолождались...

— Не ваше дѣло, вамъ учить насъ не приходится.

Гаврилиха шепнула дочери:

— Што глядишь, подавай скорѣе пирогъ, а то вишь холостые-то какъ нализались!

Анна Максимовна взяла блюдо, на которомъ лежалъ нарѣзанный по числу гостей на равныя доли пирогъ, и стала обносить гостей. Образованныя дѣвицы отказались отъ пирога, но поло-

жили на блюдо по полтиннику; кавалеры бросили по рублевой бумажкѣ. Слесарь, не желая уступить стракулистамъ, тоже вынулъ рублевый билетъ, а Иванъ Елистратычъ вывалилъ всю шѣдь, которая оставалась у него въ карманѣ, и захватилъ съ блюда двѣ доли пирога.

— Отрокъ! на, съѣшь пирожека!

Анна Максимовна собрала на пирогъ около восьми рублей.

— Што же, дѣвушки, займитесь еще въ фантики! приставалъ слесарь.

— Домой пора! сказалъ прикащикъ.

— Васъ не держать, поди съ богомъ!

— Напрасно вы думаете, што мы васъ держимъ, вмѣшался и рѣзчикъ: — мы желаемъ заняться съ дѣвушками, а не съ вами...

Но дѣвицы переговорили, что де холостые напились и того гляди, что дебошъ какой учинять, а потому лучше по домамъ расходиться. Притомъ образованныя дѣвицы стали ужъ прощаться съ хозяйкой.

— Прощайте, Анна Максимовна!

— Прощайте, милыя! Просимъ милости не взыскать на насъ! Чего не хватаетъ, собой просимъ сврасить! говорила Анна Максимовна, цалуясь съ дѣвицами.

Холостые сидѣли и злобно на всѣхъ поглядывали.

— Можно, чай, сдѣлать для насъ удовольствіе, говорилъ слесарь: — останьтесь не на долго!

Но ихъ никто не слушалъ.

Звѣзды еще ярко блестѣли надъ селомъ Бубновымъ, но въ холодномъ воздухѣ уже чувствовалось, что утро приближается и недалеко. Скоро раздались свистки, сигналы къ трудовой жизни, и подняли на ноги все снящее царство труда. Въ улицахъ началось движеніе, замелькали люди и послышались голоса.

— Экой холодище-то сегодня — страсть!

— Да, морозъ ничего! Хорошо, у кого теперича теплая шуба есть!

— Побѣжимъ скорѣе, такъ до завода лучше всякой шубы согрѣмся!

— И то дѣло...

Этимъ временемъ расходились и съ дѣвичника Анны Максимовны. Прикащикъ и семинаристъ пошли провожать образованныхъ дѣвицъ, а конторщикъ навязался въ провожатые къ Агашѣ.

— Что вы молчите все? говорилъ конторщикъ. — Развѣ вамъ непріятно со мной идти?

— Нѣтъ, ничего...

— Отчего же вы со мной не говорите?.. Послушай, Ага-

ша! продолжалъ конторщикъ, обнявъ вдругъ дѣвушку:—полюби меня!...

Агаша вырвалась.

— Што вы это? Какъ вамъ не стыдно! сказала она голо-
сомъ, въ которомъ слышались слезы.

— Полно, не разыгрывай изъ себя невинности, вѣдь я
знаю все...

Дѣвушка кинулась отъ конторщика въ переулокъ, въ кото-
ромъ находилась ея изба. Молодой человекъ хотѣлъ броситься
за нею, но подумалъ и не пошелъ.

— Ну, не уйдетъ еще, будетъ наша! сказалъ онъ и напра-
вился дальше по улицѣ...

Агаша добѣжала до своей избы и остановилась у воротъ. Она
оглянулась и увидѣла, что кто-то идетъ, но только не контор-
щикъ; она стала всматриваться.

— Вася, это ты? слабо оглянула дѣвушка подошедшаго не
совсѣмъ твердымъ шагомъ къ ней юнаго гравера.

Вася какъ подошелъ къ ней, остановился, такъ и стоялъ не-
подвижно и безъ словъ, только уставилъ на нее глаза.

— Васенька, што съ тобою? заговорила она, прижимаясь къ
стѣнѣ избы.

Вася вздохнулъ и сказалъ:

— Ничего... я пьянъ только... Обманула ты меня, Агаша!

— Господи, и онъ на меня! Да разѣ моя вина, што Андриуш-
ка пристаесть ко мнѣ, а я не поддаюсь ему?...

— Нѣтъ, еслибы у тебя ничего съ нимъ не было, онъ не
сталъ бы стекла бить... Нѣтъ, ты съ нимъ...

— Васенька, не мучь хоть ты меня, молила дѣвушка, кидаясь
на шею къ юношѣ:—и такъ я много отъ напраслины людской
терплю! Господи!..

Вдали слышна пѣсня:

Стукъ, брякъ во колечко,
Выйди, панна, на крылечко,
Дай коню воды!

Это пѣли семинаристъ и прикащикъ, возвращаясь съ прово-
довъ домой.

— Погляди, кто-то лежитъ? сказалъ прикащикъ, завидя на
снѣгу человѣческую фигуру.

— Подойдемъ.

Фигура силилась приподняться и что-то бормотала.

— Ба, да это съ дѣвичника молодець-то!

— Ничего... я встану... Я такъ отдохнуть прилегъ, бормо-
талъ молодець.—Пособите, братцы!..

— Дѣлать нечего, Николаичъ, надо его поднять! сказалъ семинаристъ.

Стали поднимать.

— Да эвто кто?... А, Мокей... спасибо!... Эхъ, Иванъ Елистратовъ! ослабъ, братъ, ты, ослабъ... говорилъ набойщикъ, становясь на ноги. — Ну, теперича я и одинъ... Дойду... Спасибо...

Часовъ около двѣнадцати дня, Максимъ Власычъ во весь духъ неся въ кабаку, держа подъ мышкою шерстяное дочернино платье.

— Держите, держите! кричала бѣгущая вслѣдъ за нимъ Гаврилиха.

— Разбойникъ! душегубъ!...

— Обижаютъ, обижаютъ! кричалъ въ свою очередь и Власычъ.—Одинъ гривенникъ за весь дѣвичникъ дали всего... Обижаютъ, православные!

Вотъ какіе дѣвичники бываютъ въ селѣ Бубновѣ и какъ весело отъ нихъ приходится добрымъ людямъ.

Филиппъ Нефедовъ.

ОБЛАКА.

(Посв. Г. А. Ларошу.)

Я лежалъ на травѣ и глядѣлъ
Какъ по небу плывутъ облака;
Вѣтеръ листьями клена шумѣлъ,
Ихъ во мнѣ нагибая слегка.

И неслись облака надо мной,
Исчезая и тая вдали...
Они солнце ревниво собой
Заслоняли порой отъ земли.

Будто солнцу хотѣли сказать:
«Не дари ты ей теплыхъ лучей!
Перестань, перестань согрѣвать
Эту землю любовью своей!

Гдѣ сгустилась вечерняя мгла,
Гдѣ твой пламенный лучъ догорѣлъ,
Сколько тамъ совершается зла,
Сколько темныхъ, неправедныхъ дѣлъ.

Развѣ ласкъ она стоитъ твоихъ?
Развѣ, грѣшная, любить тебя?
Намъ однимъ ты сіяй! Насъ однихъ,
Непорочныхъ и чистыхъ любя.»

И неслись по степямъ голубымъ
Облака, въ безконечную даль, —

